

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Е. А. Лисицына

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена вопросам правового регулирования наследования в первые годы советской власти. Автором прослеживается развитие идеи об ограничении размера имущества, переходящего в порядке наследования, от норм декрета 1918 года «Об отмене наследования» до положений Гражданского кодекса 1922 года. Отмечается изменение подхода законодателя к определению состава наследственной массы под влиянием политических процессов и потребностей рыночной экономики, существовавшей в молодой советской республике непродолжительное время в годы новой экономической политики. Выявлена специфика законодательного регулирования перехода по наследству отдельных видов имущества, имущественных прав.

Ключевые слова: новая экономическая политика, советская власть, правопреимство, наследование, наследственное имущество.

Взятый в начале 1920-х гг. курс на ускоренное восстановление народного хозяйства предусматривал обширные экономические преобразования, которые не могли не отразиться на сфере частного права. Так, значимым этапом в регулировании гражданских правоотношений явился декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Декрет признавал и гарантировал судебную защиту ряда важных для граждан вещных и обязательственных прав. Среди этих прав было обозначено «право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками в пределах общей стоимости наследства 10 000 золотых рублей» (ст. 6). Поскольку данный документ не столько урегулировал, сколько обозначил в принципе наиболее существенные моменты правосубъектности граждан в отношении владения, пользования и распоряжения имуществом и участия в обязательствах, Президиуму ВЦИК и СНК было дано поручение по разработке проекта кодекса гражданских законов РСФСР.

Многие современники декрета [5, с. 12], а также исследователи более позднего периода вплоть до сегодняшнего дня [7; 9, с. 34; 11, с. 102] высказывали сомнение в отношении юридической силы данного документа как

общеобязательного для применения закона и рассматривали его исключительно в качестве «общей декларации о будущем Гражданском кодексе».

В судебной практике того периода также вставал вопрос о возможности применения норм декрета 1922 года к наследственным правоотношениям с момента его издания до момента введения в действие ГК РСФСР 1922 года, которым подробно регулировался порядок наследования.

Несмотря на содержание ст. 6 декрета, которая достаточно определенно говорила о праве наследования, возможность применения декрета (факт установления им наследственного права) не признавалась многими авторами. Так, А. Г. Гойхбарг отмечал, что «...сомнения могут вызвать случаи смерти между 22 мая 1922 года и 1 января 1923 года.... Постановление от 22 мая 1922 г. «наметило» целый ряд частных имущественных прав, но без подробного их регулирования...», также и право наследования «...урегулировано здесь далеко не полно. Не указано, где и как может быть совершено завещание, как получают и делят между собой наследство отдельные наследники т.д.» [5, с. 12]. Отсюда автор делал вывод, что ни наследование по завещанию, ни наследование по закону по этому декрету недопустимы. В обоснование такого заключения приводились следующие

аргументы: всякие завещания, составленные после издания декрета об основных имущественных правах и до 1 января 1923 года, недействительны, так как нотариальная форма их удостоверения вводилась впервые Гражданским кодексом, а Декрет от 22 мая 1922 г. правил о форме завещаний не содержал; препятствием для наследования по закону являлось отсутствие пошлин, уплачиваемых при всяком наследовании, в том числе и при наследовании по закону, наследственные же пошлины введены в действие Декретом ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О наследственных пошлинах» только с 1 января 1923 г.

Указанные аргументы А. Г. Гойхбарга были критически восприняты многими авторами и совершенно обоснованно ими отвергнуты по следующим доводам. Во-первых, новые узаконения о форме сделок обратной силы иметь не могут, а если закон не устанавливает формы какого-либо акта, но сам акт допускает, то это не означает, что сама сделка не может иметь силы. Во-вторых, Декрет о наследственных пошлинах установил порядок взимания пошлин с наследств с 1 января 1923 г., это обстоятельство никак не может и не должно служить основанием для отрицания «предоставленного» гражданам права наследования, так как наследственные пошлины не являются непременным атрибутом наследственного права либо основной предпосылкой наследования. А поскольку ранее действовавших законов, предполагающих взимание наследственных пошлин, нет, то наследства до 1 января 1923 г. пошлинами не облагаются [3, с. 795; 17, с. 16]. Параллельно выдвигалась идея о необоснованности игнорирования декрета 1922 года, в том числе судебной практикой, которая доводила действие декрета 1918 года «Об отмене наследования» вплоть до введения в действие Гражданского кодекса РСФСР, т.е. до 1 января 1923 г. Так, в частности, И. Трепицын, рассуждая о том, с какого момента авторское право нужно считать наследственным, по интересующему нас вопросу отмечал, что постановление от 22 мая 1922 г. представляет собой «самый настоящий и самый действительный закон... и такие законы под сукно у нас не кладутся: как только для них приспело время и они опубликованы, сейчас же должно начинаться и их применение...» [17, с. 12], в обоснование чего ссылался на упоминание указанного акта в ГК РСФСР 1922 года в примечании к статье 59, а

также на текст самого декрета о том, что он обратной силы не имеет, т.е., по логике автора, распространяется на время будущее и имеет полную силу закона, который восстанавливает наследование, отмененное декретом от 27 апреля 1918 г. Здесь следует также отметить, что утверждение о восстановлении института наследования в российском праве Декретом от 22 мая 1922 г. глубоко укоренилось и в современной литературе [1, с. 72; 2, с. 555; 10, с. 30].

Стоит согласиться с логикой автора в отношении характеристики декрета от 22 мая 1922 г. в качестве документа, имеющего полную силу закона. Во-первых, под законами в рассматриваемый нами период понимались совершенно разнородные акты, в том числе и декреты [7, с. 602]. Во-вторых, поскольку декретом 1922 года, в частности, регулировались и отношения наследования (устанавливались основания наследования, определялся круг наследников, а также предельный размер стоимости наследства) и регулировались иначе, чем в декрете «Об отмене наследования», то по общим правилам действия нормативных правовых актов во времени он отменял ранее действовавший декрет 1918 года.

Придерживаясь той позиции, что декрет 1918 года по существу представлял собой не отмену права наследования как такового, а значительное сужение круга объектов наследственного преемства и оснований наследования, мы заключаем, что и декрет 1922 года не восстановил отмененное право наследования, а несколько иначе его урегулировал.

С одной стороны, декрет 1922 года ввел определенные ограничения права наследования в отношении круга наследников. Если декрет 1918 года говорил об имеющихся налицо супругах, нетрудоспособных родственниках по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородных и неполнородных братьях и сестрах, причем не делал различий между родством брачным и внебрачным, а усыновленных, приемышей, примаков и их потомство по отношению к усыновителям и усыновителей по отношению к усыновленным, приемышам, примакам и их потомству приравнивал к родственникам по происхождению, то декрет 1922 года в качестве наследников называл только супругов и прямых нисходящих потомков. С другой стороны, декрет 1922 года расширил возможности перехода имущества по наследству, введя еще одно основание –

завещание. В отношении же размера стоимости наследственного имущества декрет изменений не внес – по-прежнему наследники могли рассчитывать на 10 000 рублей, хотя от перечисления возможного состава наследства (ст. 9 декрета 1918 года называла, в частности, усадьбу, домашнюю обстановку и средства производства трудового хозяйства в городе или деревне) законодатель отказался.

Таким образом, представляется, что некорректно говорить о восстановлении права наследования декретом 1922 года. На самом деле названный законодательный акт лишь восстановил *status quo*. Фактический переход имущества умершего, не превышающего десяти тысяч рублей, в непосредственное управление и распоряжение супруга и родственников, допускаясь статьей 9 декрета 1918 г. (наследственное правопреемство по существу), был юридически оформлен и закреплён с использованием верного с правовой точки зрения термина «наследование».

Общий подход к регулированию наследования, установленный в декрете 1922 года, был воспринят и конкретизирован в нормах Гражданского кодекса РСФСР 1922 года. В отличие от дореволюционного законодательства первый советский ГК не содержал легального определения наследования. Не перечисляя конкретных объектов наследования, кодекс в ст. 416 устанавливал, что допускается наследование по закону и по завещанию ... в пределах общей стоимости имущества не свыше 10 000 золотых рублей, за вычетом всех долгов умершего (аналогичные нормы содержались и в Гражданских кодексах других советских социалистических республик, разработанных по модели ГК РСФСР 1922 года).

Такой подход законодателя к ограничению переходящего в порядке наследования имущества не имел аналогов в других странах, существенно отличался от наследования по дореволюционному законодательству.

В первую очередь возникает вопрос о характере наследования в постреволюционной России. В литературе советского периода этот вопрос рассматривался прежде всего с позиции противопоставления наследования в социалистическом и капиталистическом обществе, поэтому большинство ученых-исследователей не признавали чуждого советскому наследственному праву универсального правопреемства [13, с. 72; 14, с. 14; 16, с. 47]. Сохранялись также и представления о наследо-

вании как о средстве социального обеспечения нуждающихся родственников [4, с. 116].

По мнению В. И. Серебровского, наследственное преемство того периода было преемством универсальным, но ограниченным [15, с. 163]. Ограничения ученый усматривал, во-первых, в установлении лимита стоимости наследственного имущества, во-вторых, в определении замкнутого круга лиц, могущих быть наследниками не только по закону, но и по завещанию.

Исходя из общих представлений об универсальности наследственного правопреемства, сложившихся еще в римском праве, к правопреемнику переходят все права и обязанности правопреемника. Поэтому можно заключить, что наследственное преемство того периода нельзя в полной мере оценить как универсальное. Однако элементы универсальности можно усмотреть в том, что наследники обязывались отвечать по долгам наследодателя (ст. 434 ГК РСФСР 1922 года).

Возвращаясь к вопросу об ограничении стоимости имущества умершего, переходящего к наследникам, необходимо отметить, что законодательством были предусмотрены исключения из этого общего правила. Одно из них было закреплено в примечании к ст. 416 ГК РСФСР 1922 года, в соответствии с которым «права, вытекающие из заключаемых органами государства с частными лицами договоров (арендных, концессионных, застройочных и др.), переходят в порядке наследования без ограничения предельной стоимости».

Не ограничивая пределами стоимость наследственного имущества в отношении перехода таких прав, законодатель руководствовался в первую очередь интересами государства. Возможность перехода по наследству прав на арендованные у государства предприятия, прав застройщика и прочих, а также осуществление наследниками своих прав в отношении таких наследств не только снимали с государства непосильную нагрузку по содержанию и эксплуатации предприятий, застройке городских участков, но и, как следствие, способствовали развитию социалистического хозяйства и восстановлению экономики, подорванной за годы революции и гражданской войны.

Однако подобное изъятие из общих правил вызывало немало вопросов у современников. В литературе, посвященной проблемам наследования, дискуссионными стали следующие вопросы: во-первых, входят ли права,

предусмотренные примечанием к ст. 416 ГК РСФСР, в наследственную массу и, вторых, стоит ли учитывать стоимость этих прав при определении предельного размера наследственной массы, установленного в 10 000 рублей золотом. Вопросы эти имели не только теоретический, но и практический интерес и возникали в тех случаях, когда совокупная стоимость всего наследства, включая права, предусмотренные примечанием к ст. 416 ГК РСФСР, составляла более 10 000 рублей. Существовало мнение, что права, вытекающие из заключаемых органами государства с частными лицами договоров, не подлежат оценке и не должны входить в оценку стоимости наследства, как бы ни велика могла быть их доходность [19, с. 675], а, значит, наследник может рассчитывать как на наследство, предусмотренное примечанием к ст. 416 ГК РСФСР, так и на иное имущество наследодателя, правда ограниченное стоимостью в 10 000 рублей.

Согласно другой позиции права, указанные в примечании к ст. 416 ГК РСФСР, входили в наследственную массу и подлежали оценке вместе с остальным имуществом наследодателя [8, с. 311; 12, с. 931]. В частности, И. Перетерский в подтверждение этого вывода ссылается на прогрессивный порядок исчисления наследственной пошлины с наследств, превышающих по стоимости 10 000 рублей, установленный Декретом ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О наследственных пошлинах» «для случаев, предусмотренных прим. к ст. 416» [12, с. 930]. Далее автор делал вывод, что к наследникам может переходить только та часть имущества наследодателя, которая в совокупности с правами, предусмотренными примечанием к ст. 416, не превышает 10 000 рублей, а если же стоимость последних превышает указанную сумму, то наследник вовсе лишается всего остального наследственного имущества, не относящегося к правам, обозначенным в примечании.

Представляется, что из формулировки примечания к ст. 416 ГК РСФСР 1922 года «права... переходят в порядке наследования по закону и по завещанию...» четко явствует, что законодатель не исключает эти права из состава наследства, также как и предусматривает переход по наследству предметов обычной домашней обстановки и обихода в ст. 421 ГК РФ. В данном случае логика законодателя

заключалась в том, что для государства в одинаковой мере не представляли интереса ни предметы обычной домашней обстановки и обихода (в силу их, как правило, незначительной стоимости и бесполезности для государства), ни права, предусмотренные примечанием к ст. 416 ГК РФ (в силу причин, описанных выше), поэтому он и не стремился ограничить переход их по наследству путем применения правила о предельной стоимости. Однако говоря о переходе по наследству предметов обычной домашней обстановки и обихода, законодатель использовал более удачную формулировку – «... без зачисления в предельную сумму по статье 416 РСФСР». Тот факт, что имущество (имущественные права – в отношении примечания к ст. 416 ГК) не учитывалось при определении предельного размера наследства, не влиял на признание их составной частью наследства.

Декрет «О наследственных пошлинах» не содержал каких-либо изъятий или исключений в отношении определенных видов имущества, а определял единый порядок расчета пошлины исходя из общей стоимости доли наследника. Поскольку и предметы обычной домашней обстановки и обихода, и имущественные права, предусмотренные примечанием к ст. 416 ГК РСФСР, входили в состав наследства, представлявшего собой единый имущественный комплекс, то наследственная пошлина рассчитывалась исходя из стоимости всего этого комплекса.

Таким образом, на наш взгляд, права, предусмотренные примечанием к ст. 416 ГК РСФСР, входили в состав наследственного имущества, учитывались при расчете наследственной пошлины, но не учитывались при определении предельной стоимости имущества в 10 000 рублей в порядке ст. 416 ГК РСФСР, следовательно, за счет стоимости этих прав размер имущества, переходящего к наследникам в порядке ст. 416 ГК, не мог быть уменьшен.

В законодательстве имелся еще ряд случаев, когда общее правило о предельной стоимости имущества не применялось. Так, согласно Постановлению ЦИК и СНК от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права» денежная оценка авторского права не включалась в общую оценку наследственного имущества по ст. 416 ГК. Аналогичное правило было установлено ст. 10 Постановления

ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О патентах на изобретения».

В целом Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, содержащий в его первоначальной редакции всего 20 статей, посвященных наследованию, не отличался детальной разработанностью. Кодекс не давал понятия наследования и не конкретизировал состав наследственного имущества. Однако регламентация некоторых объектов наследования все же получила законодательное закрепление. Это относилось к предметам обычной домашней обстановки и обихода, долгам наследодателя, обременяющим наследство, правам по арендным, концессионным, застройочным и другим договорам.

Таким образом, несмотря на недостаточную правовую регламентацию наследования, ГК РСФСР 1922 года выполнил соответствующую тому периоду времени функцию по урегулированию наследственных правоотношений.

Литература

1. Абраменков, М. С. Наследственное право: учебник для магистров / М. С. Абраменков, П. В. Чугунов – М., 2013. – 423 с.
2. Блинков, О. Е. История кодификации норм наследственного права в России / О. Е. Блинков // Цивилистические записки. Вып. 5. Проблемы кодификации гражданского законодательства в Российской Федерации. – М., 2004. – С. 555.
3. Вольман, И. Допускает ли наследование декрет 22 мая 1922 г. / И. Вольман // Ежегодник советской юстиции. – 1923. – № 35. – С. 794–795.
4. Вольфсон, Ф. И. Гражданское право: учебное пособие / Ф. И. Вольфсон – М., 1929. – 134 с.
5. Гойхбарг, А. Г. Хозяйственное право РСФСР / А. Г. Гойхбарг. – М., 1923. – Т. 1. – 232 с.
6. Исаев, М. А. История Российского государства и права: учебник / М. А. Исаев – М., 2012. – 840 с.
7. Маковский, А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А. Л. Маковский. – М., 2010. – 736 с.
8. Мовчановский, Б. Наследование в арендованных предприятиях / Б. Мовчановский // Рабочий суд. – 1925. – № 7–8. – С. 311–317.
9. Мозгов, М. В. История развития института наследования собственности граждан в России 1917–2002 гг.: на примере Курской области: дис. ... канд. ист. наук / М. В. Мозгов. – Курск, 2005. – 180 с.
10. Моисеев, А. Б. Институт наследования в советском праве как средство обеспечения экономических интересов государства: дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Моисеев. – Нижний Новгород, 2010. – 167 с.
11. Новицкая, Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года / Т. Е. Новицкая – М., 2002. – 224 с.
12. Перетерский, И. К вопросу о толковании прим. к ст. 416 Гражданского кодекса / И. Перетерский // Ежегодник советской юстиции. – 1924. – № 39–40. – С. 930–931.
13. Рабинович, Н. Законодательные проблемы советского наследственного права / Н. Рабинович // Советское государство и право. – 1940. – № 5–6. – С. 72–85.
14. Рейхель, М. О. Право наследования (в порядке обсуждения) / М. О. Рейхель // Советская юстиция. – 1937. – № 5. – С. 14–16.
15. Серебровский, В. И. История развития советского наследственного права / В. И. Серебровский // Вопросы советского гражданского права. Сб. 1. – М., 1945. – С. 156–171.
16. Товстолес, Н. Об ответственности наследника по обязательствам наследодателя / Н. Товстолес // Право и жизнь. – 1926. – № 6, 7. – С. 44–56.
17. Трепицын, И. Обратное действие законов об авторском праве / И. Трепицын // Право и жизнь. – 1927. – № 3. – С. 11–19.
18. О наследовании по Гражданскому кодексу РСФСР / Ч. // Ежегодник советской юстиции. – 1924. – № 29. – С. 675–676.

Лисицына Екатерина Анатольевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: katerina.lis@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 24 января 2014 г.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF INHERITANCE IN THE NEW ECONOMIC POLICY

E. A. Lisitsyna

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the legal regulation of inheritance in the first years of the Soviet system. The author traces the development of the idea to limit the size of the property transferred by inheritance, from the rules of Decree 1918 «On abolition of inheritance» to the provisions of the Civil Code of 1922. The change in the approach of the legislator is marked to determine the composition of inheritance, under the influence of political processes and the needs of the market economy, existed in the young Soviet Republic for a short time during the New Economic Policy. The specificity of legislative regulation of transfer by inheritance of certain types of property, property rights is revealed.

Keywords: New Economic Policy, the Soviet system, legal succession, succession, inheritance.

References

1. Abramnikov M. S., Chugunov P. V. *Nasledstvennoe pravo: uchebnik dlja magistrrov* [Inheritance law: a textbook for Masters]. Moscow, 2013, 423 p.
2. Blinkov O. E. Istorija kodifikacii norm nasledstvennogo prava v Rossii [History codification of the law of succession in Russia] *Civilisticheskie zapiski: Vyp. 5: Problemy kodifikacii grazhdanskogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii* [Tsivilisticheskie note: Vol. 5: Problems of codification of civil law in the Russian Federation]. Moscow, 2004, pp. 544–566.
3. Wolman I. [Allows whether inheritance decree May 22, 1922]. *Ezhenedel'nik sovetskoj justicii* [Weekly Soviet justice], 1923, no. 35, pp. 794–795. (in Russ.)
4. Wolfson F. I. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Moscow, 1929. 134 p.
5. Goyhbarg A. G. *Hozjajstvennoe pravo RSFSR. T. 1* [Commercial Law of the RSFSR: Vol. 1]. Moscow, 1923, 232 p.
6. Isaev M. A. *Istorija Rossijskogo gosudarstva i prava* [History of the Russian State and Law]. Moscow, 2012, 840 p.
7. Makovsky A. L. *O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006)* [On the codification of civil law (1922–2006)]. Moscow, 2010, 736 p.
8. Movchanovsky B. [Inheritance in leased facilities]. *Rabochij sud* [Work court]. 1925, no. 7–8, pp. 311–317. (in Russ.)
9. Mozgov M. V. *Istorija razvitija instituta nasledovanija sobstvennosti grazhdan v Rossii 1917–2002 gg.: na primere Kurskoj oblasti: dis. ... kand. ist. nauk* [Development History Institute inheritance property of citizens in Russia 1917–2002 gg.: The example of Kursk region. Dis. Kand. (Law)]. Kursk, 2005, 180 p.
10. Moiseev A. B. *Institut nasledovanija v sovetskom prave kak sredstvo obespechenija jekonomicheskikh interesov gosudarstva: dis. ... kand. jurid. nauk* [Institute of inheritance in Soviet law as a tool for economic interests. Diss. Kand. (Law)]. N. Novgorod, 2010, 167 p.

11. Nowicka T. E. *Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922 goda* [Civil Code of the RSFSR in 1922]. Moscow, 2002, 224 p.
12. Peretersky I. [On the question of the interpretation of approx. to Art. 416 of the Civil Code]. *Ezhenedel'nik sovetskoj justicii* [Weekly Soviet justice]. 1924, no. 39–40, pp. 930–931. (in Russ.)
13. Rabinovich N. [Legislative issues Soviet inheritance law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law]. 1940, no. 5–6, pp. 72–85. (in Russ.)
14. Reichel M. O. [Right of inheritance (in order of discussion)]. *Sovetskaja justicija* [Soviet justice], 1937, no. 5, pp. 14–16. (in Russ.)
15. Serebrovskii V. I. [History of the development of the Soviet inheritance law]. *Voprosy sovetskogo grazhdanskogo prava. Sb. 1.* [Questions of Soviet civil law. Vol. 1]. Moscow, 1945, pp. 156–171. (in Russ.)
16. Tovstoles N. [On the responsibility of the heir to the obligations of the testator. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 1926, no 6–7, pp. 44–56. (in Russ.)
17. Trepitsyn I. [The reaction of the copyright laws]. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 1927, no. 3, pp. 11–19. (in Russ.)
18. O nasledovanii po Grazhdanskomu Kodeksu RSFSR [On the inheritance under the Civil Code of the RSFSR]. *Ezhenedel'nik sovetskoj justicii* [Weekly Soviet justice], 1924, no. 29, pp. 675–676. (in Russ.)

Ekaterina Anatolievna Lisitsyna – postgraduate student of Civil Law and Procedure, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: katerina.lis@bk.ru.

Received 14 January 2014.